

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ФОРМАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИМ СТРОЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И МОДАЛЬНОСТЬЮ

Как известно, коммуникативная цель высказывания может быть тройкой: информировать слушающего, получить от него информацию или побудить его к какому-либо действию; часто указывается еще и четвертый тип коммуникативной цели: выразить [пожелание, исполнение которого не зависит от воли слушающего, так что выражение этого пожелания не может служить побуждением к действию. Правда и то, что этим трем (или четырьмя) типам цели соответствуют типичные средства ее выражения. В лингвистической литературе высказывается часто предположение, что степень ответственности содержания и формы такова, что, по словам Я. Бауэра, можно определить „типы предложений по основной (установочной) модальности“, которые „наряду с выражаемым модальным значением характеризуются также определенной основной формой, некоей структурной схемой“.¹

Однако в языке мы находим множество модальных транспозиций — в новейшей литературе часто описывается использование 2-го лица индикатива будущего времени в повелительном значении: *ты пойдешь туда!* = *иди туда!* Достаточно однако в течение нескольких часов обследовать диалогический текст (в литературной обработке или в непосредственной записи), чтобы найти целый ряд более „утонченных“ случаев, где используется, напр., прошедшее или настоящее время, напр.: *ты не ответил на мой вопрос* = *ответь на мой вопрос*; *ты слишком много говоришь* = *говори поменьше, молчи!*, а также и таких, где мы не находим ни 2-го лица, ни названия требуемой деятельности: *наверное пойдет дождь* = *возьми зонтик!* Далее мы находим случаи перехода к метаязыку: *я приказываю тебе сделать это; я спрашиваю тебя (в третий раз), почему ты туда ходил и т. п.*

В литературе описываются также, напр., непобудительные функции русского императива — из новейших работ наиболее полно, по-видимому, в работе О. Лешки.² У этих функций имеются свои формальные признаки — отсутствие согласования с подлежащим, включение в состав сложного предложения и т. п. Все же, если сопоставить следующие предложения, то мы должны, по моему мнению, констатировать наличие постепенных переходов и значительных возможностей субъективных расхождений в интерпретации отдельных случаев: *уйди отсюда*; *уйди отсюда и все будет в порядке*; *уйди ты отсюда, все будет в порядке*; *уйди ты отсюда, все было бы в порядке*; *уйди он отсюда, все было бы в порядке*; *он остается, а ты*

¹ J. Bauer, *Strukturní typy slovanské věty a jejich vývoj*. Čs. přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů, Praha 1968, 78.

² O. Leška, *Formální a funkčně obsahová struktura ruského imperativu (injunktivu)*. Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české III, Praha 1968.

уходи; все веселятся, а мы уходи. Аналогичную серию можно было бы оставить и из предложений с глаголом в сослагательном наклонении.

Количество таких транспозиций столь велико и их виды столь разнообразны, зависимость интерпретации предложения от внеязыкового контекста такова, что, по моему мнению, невозможно найти, напр., такую совокупность формальных средств, которая однозначно соответствовала бы множеству предложений, выражающих побуждение к деятельности (приказ, просьба, совет и т. п.). Я не верю, следовательно, в существование лингвистической категории „побудительное предложение“, которая охватывала бы все случаи выражения побуждения к деятельности и только эти случаи, как это требуют современные (или, скорее, модные?) теории „глубинной структуры“, „генеративной семантики“ и т. п. Традиционные грамматики при определении понятия „побудительное предложение“ колеблются между формальными и семантическими критериями.

Я хотел бы несколько подробнее остановиться на одной из составных частей „области модальной неопределенности или многозначности“ в славянских языках — на области, где эта многозначность явно „сознательная“ и функционально используемая. Интересным случаем системного неразличения модальностей (системного модального синкретизма) является большой формальный класс — славянские инфинитивные предложения. Самый наглядный способ, как убедиться в модальной неопределенности предложений этого класса, — анализ попыток однозначной модальной классификации этих предложений. Так, напр., В. Шмилауэр³ включает пример *Už je bouda v nãladě. Teď jen neztratit tempo* (Bass), в число повествовательных предложений, выражающих необходимость. Но я не вижу никаких оснований исключать возможность повелительной интерпретации (= *Teď jen neztrácejte tempo*). Аналогично обстоит дело и с русским примером *Войне не бывать!*, который М. Кубик⁴ интерпретирует как выражение невозможности; я считаю однако, что в этом предложении выражены одновременно как убеждение в невозможности войны, или, точнее, в возможности воспрепятствовать войне, так и призыв *Воспрепятствуем войне!* Несколько загадочной является также характеристика инфинитивных предложений в новой русской академической грамматике⁵, где предложения *Тут-то себя и показать! Увидеть ее! Заснуть и забыться!*, обладающие явственным побудительным или желательным значением, рассматриваются как „синтаксический индикатив“.

Как форма, так и значение инфинитивных предложений в разных славянских языках различны,⁶ но все же в большинстве этих языков это большой и продуктивный синтаксический класс, общим признаком которого является именно синкретизм модальных противопоставлений; в случаях же, когда модальная интерпретация все же однозначна, то это обусловлено сочетанием лексического значения и внеязыкового контекста. По-видимому, именно в этом синкретизме и заключается „смысл“ существования этого

³ V. Šmilauer, *Novočeská skladba*, Praha 1966², 117.

⁴ М. Кубик ај., *Лекции по синтаксису русского языка*, Прага 1968, 48.

⁵ *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва 1970, 592—593.

⁶ Ср. статьи В. Грабе и Я. Порака в сборнике предыдущего брненского синтаксического симпозиума *Otázky slovanské syntaxe II*.

типа предложений, поскольку для эксплицитного выражения модальности имеются специфические средства — индикатив и императив.

С другой стороны, если рассмотренный тип инфинитивных предложений создает возможность „неопределенности“ модальности, то некоторые из указанных ранее типов транспозиции и, в частности, перехода к мета-языку, позволяют наоборот уточнить обще-побудительную модальность, выражаемую обычным предложением с императивом. Ср.: *иди туда!*; *прошу тебя пойти туда*; *я требую, чтобы ты пошел туда*; *я приказываю тебе пойти туда*. Строго говоря, не существует „трансформаций“ с полным сохранением тождества значения (ср. аналогичные соображения о несуществовании полной лексической синонимии). Любое изменение формы отражается и на изменении значения.

При сопоставительном изучении языков, т. е. при установлении функциональных соответствий между языками, мы должны в первую очередь отделить типы транспозиций, осуществимые в любом языке (сюда относятся, напр., все указанные выше случаи использования предложений с индикативом в иной, чем повествовательная, функции) от типов, специфических для данного языка или группы языков — сюда относятся, напр., вся категория инфинитивных предложений, у которой нет строгих параллелей и в некоторых славянских, а тем более в западноевропейских языках. Уже и между русским и чешским языками мы наблюдаем, напр., большие различия в структуре и функциях инфинитивных и императивных предложений. Большая диахронная изменчивость системы глагольных наклонений — одно из доказательств текучести модальных значений.

Соотношение между формально-грамматическим строем предложения и его модальной интерпретацией не задано однозначными правилами. В распоряжении говорящего широкий выбор средств для выражения требуемого значения; некоторые из этих средств более обычны, иные менее. Мне представляется важным еще раз подчеркнуть, что говорящий выбирает не только из разных средств выражения определенной модальности, но и из разных степеней определенности модальности. Именно эта свобода выбора представляет собой один из основных источников как возникновения, так и преодоления диалектического противоречия между формой и содержанием в языке, языковой динамики.

